

Ци Жован спросил:

— Что ты хочешь спросить?

Ю Сяои улыбнулся, понимая, что наконец-то открыл дверь в запретную зону. Он почти с нетерпением спросил:

— Я хочу знать, что произошло той ночью, кто напал на долину, как ты сбежал, куда исчезли люди из долины и... куда пропал Цинь Шань?

Ю Сяои задавал вопросы, словно разворачивая свиток, и перед глазами Ци Жована снова ожила та ночь, когда пламя пожирало долину, этот райский уголок.

Как старая картина, промокшая от воды, воспоминания казались немного размытыми.

Ци Жован впервые узнал, что у него будет сокамерник, когда он возился с грязью перед пещерой.

— Слишком много воды? Нет, нет, или слишком мало земли, тоже нет.

Ци Жован в отчаянии сел на землю, глядя на свое полуготовое творение, и внутри него бушевал гнев:

— Черт возьми, черт возьми, это же просто цемент, неужели он может победить меня? Я не поверю, что это так сложно, я...

Он только начал ругаться на грязь, как сзади кто-то подбежал к нему и с удивлением воскликнул:

— Старик Ци, старик Ци, что ты делаешь!

Ученик Безымянной долины поспешно подбежал, огляделся вокруг и с тревогой сказал:

— Ты испачкал вход в пещеру, ты просто... ах, ты меня погубишь!

Ци Жован, ковыряясь в носу, посмотрел на него:

— В конце концов, я здесь один, и все свои дела делаю сам, как грязь может тебе помешать?

— Эх, ты просто! Ты меня доведешь до смерти, — сказал ученик. — Если бы ты действительно был здесь один, мне было бы все равно, как ты тут безобразничаешь, но теперь с тобой будет жить еще один человек! Если учитель увидит, как ты тут намусорил, он точно убьет меня.

Что? Что это значит?

Ци Жован подумал, что у него появится сосед по камере?

Кто же еще мог быть настолько несчастным, чтобы оказаться в этом месте, куда не проникает солнечный свет?

Его мгновенно охватило любопытство, и он начал с нетерпением ждать встречи с будущим сокамерником. И вскоре он увидел того, о ком говорили.

Сокамерника принесли на руках.

Это были двое мужчин.

Один, как сосна или кипарис, его внутренняя сила была настолько мощной, что даже листья на деревьях вокруг него рассыпались в пыль, другой был без сознания, его несли на руках. Тот, кто нес его, прижимал его голову к своей груди, осторожно обнимая, словно это было самое драгоценное сокровище на свете. Сам он был одет в белые одежды, и, подойдя к пещере, не обратил внимания на грязь, испачкавшую его подол.

Мужчина с благородными чертами лица в белых одеждах остановился и мягко сказал:

— А Шань, мы пришли.

Только тогда Ци Жован заметил, что человек на его руках был в сознании, но по какой-то причине не мог пошевелиться. Мужчина, которого называли А Шань, поднял взгляд, и его холодные, как звезды, глаза словно пронзили сердце Ци Жована.

В тот момент Ци Жован подумал:

Он не должен быть таким.

Этот мужчина не должен быть таким слабым, не способным даже пошевелиться, чтобы его несли на руках. Он должен быть обнаженным мечом, орлом, рассекающим ветер, и никто не сможет остановить его. Но сейчас он был сломленным мечом, с подрезанными крыльями, запертым в объятиях другого мужчины.

Мужчина, который нес его, казалось, не замечал этого. Он положил «А Шаня» в пещеру и сам заковал его в цепи:

— А Шань, эти цепи сделаны из таинственного металла, с твоей текущей внутренней силой ты не сможешь их разорвать.

— Но я знаю, ты не смиришься с заточением.

— Я буду приходить к тебе каждый день, и если цепи будут сточены хоть на йоту, я заберу у тебя еще одну часть твоей внутренней силы.

— Как только твоя внутренняя сила упадет ниже тридцати процентов, ты никогда не сможешь восстановить свою прежнюю мощь.

— Когда ты полностью потеряешь свои силы, ты станешь моей игрушкой, и я смогу делать с тобой все, что захочу.

— Не давай мне такого шанса, А Шань.

Мужчина говорил мягким голосом, но его слова заставляли слушателя содрогаться. А тот, кому он обращался, с того первого взгляда больше не открывал глаз.

Это был первый раз, когда Ци Жован увидел Цинь Шаня и Янь Мобэя.

И только спустя долгое время он узнал их историю.

Первый раз Ци Жован увидел Цинь Шаня, он был пленником, закованным в цепи.

Последний раз Ци Жован увидел Цинь Шаня, он стоял среди пылающего пламени.

Он смотрел на мужчину, который три года был скован цепями, и снова поднялся, и даже пламя не могло скрыть его величие:

— Да, да, старик Цинь! Ты должен быть таким, именно таким!

Безумный смех Ци Жована разносился по обугленной долине.

— Господин Ци, господин Ци.

Настойчивый голос Ю Сяои вывел Ци Жована из воспоминаний.

Он поднял взгляд и увидел, что человек напротив него нахмурился, словно выжидая:

— Неужели той ночью ты больше не видел Цинь Шаня и не знаешь, кто напал на Безымянную долину?

Ци Жован ответил:

— Мы были заперты в пещере на заднем дворе, и когда огонь добрался до нас, уже была глубокая ночь, так что мы ничего не знали. Я и Цинь Шань тогда разбежались в разные стороны, и куда он пошел, я не знаю. Но—

Он увидел, что Ю Сяои начал терять терпение, и продолжил:

— Когда я убегал из Безымянной долины, я услышал звук флейты.

Ю Сяои пристально посмотрел на него.

Ци Жован произнес два слова:

— Цянская флейта.

На мгновение в комнате воцарилась тишина, только треск углей нарушал ее.

Ю Сяои глубоко вдохнул, стараясь скрыть свои эмоции:

— Господин Ци, ты не ошибся?

— Ошибся? — Ци Жован с усмешкой посмотрел на него. — Ты знаешь мою историю, неужели ты думаешь, что я могу ошибиться в музыке?

Семья Ци передавала искусство игры на цине из поколения в поколение, и к Ци Жовану оно перешло уже в тринадцатом поколении. Семья Сяо, известная своим мастерством игры на гуцине, была тесно связана с семьей Ци, и их дети, достигнув семи лет, отправлялись в общую школу, где их обучали музыке и этикету.

Можно сказать, что Ци Жован с самого рождения был окружен музыкой.

Такая среда и талант, заложенный в его крови, позволили ему даже в заточении в Безымянной долине находить способы развлечь себя.

Когда Цинь Шань очнулся, ему показалось, что он слышит звук флейты.

Мелодия, пронизывающая воздух, следовала за остатками ветра и света, достигая его ушей.

Он, волоча за собой длинные цепи, вышел из пещеры и увидел человека, стоящего спиной к нему под деревом.

Звук флейты исходил от него, неизвестная мелодия, но в ней была какая-то легкость и свобода, способная развеять тьму в сердце. И человек, способный сыграть такую музыку, наверняка был таким же свободным и легким. Непонятно, как он оказался здесь, в заточении, как и он сам.

Когда Цинь Шань пошел, цепи на его ногах зазвенели.

Человек повернул голову и, обернувшись, радостно сказал:

— Ты проснулся!

Увидев лицо человека, Цинь Шань инстинктивно отступил на шаг.

Ци Жован, с листом во рту и лицом, покрытым грязью, на мгновение замер, затем поднял рукав и вытер лицо:

— Ах, неловко, неловко, первая встреча, а я такой неряха. — Ци Жован стер грязь, открыв белое лицо, и улыбнулся Цинь Шаню, протянув руку. — Привет, я Ци Жован, я здесь уже два года. Если ничего не изменится, я останусь здесь и дальше. Но теперь ты со мной, и будет веселее, чем когда я был один. Кстати, как тебя зовут?

Цинь Шань избежал его грязной руки, нахмурился и не ответил.

Ци Жован не обиделся, а продолжил:

— Немой, глухой, дурачок?

Цинь Шань сузил глаза, глядя на него.

Ци Жован хлопнул в ладоши и рассмеялся:

— Понял! Ты — ледяная гора!

Цинь Шань не понял, что он имел в виду, но это не помешало ему понять общий смысл. Он посмотрел на Ци Жована, и его мнение об этом человеке резко изменилось.

Кого еще могли заточить в Безымянной долине?

Этот Ци Жован явно был немного сумасшедшим.

Не зная, что Цинь Шань считает его сумасшедшим, Ци Жован, как старый знакомый, поманил его рукой, указывая на кучу грязи перед собой, и смущенно спросил:

— Ледяная гора, у меня тут проблема, можешь помочь?

<http://bllate.org/book/16875/1555424>